

Д.Ю. Арапов

Проекты создания региональных муфтиятов для Северного Кавказа*

Предметом настоящего исследования стали утвержденные и проектировавшиеся имперские законодательные акты по исламу, другие разнообразные материалы, связанные с деятельностью Министерства внутренних дел, контролировавшего духовную жизнь мусульман Европейской России и Сибири, и Военного министерства, отвечавшего перед царем за мусульман Туркестана и (в известной степени совместно с МВД) за «магометан» Кавказа. Важную роль играют документы, отражающие занятие исламской тематикой в Министерстве иностранных дел. В ходе исследования нам пришлось систематизировать и предпринять наиболее полное научное переиздание прежде опубликованного, но теперь весьма труднодоступного законодательного материала, а также выявить интересующие нас многочисленные архивные материалы, в работе с которыми в ряде случаев автору посчастливилось оказаться их первым пользователем.

В литературе накоплен определенный опыт исследования системы государственного регулирования ислама в Российской империи. Несомненно, лучше всего за последние годы изучалась деятельность Оренбургского Магометанского Духовного собрания, особенно в Поволжье и Приуралье, и анализировалась царская политика по отношению к исламу в Туркестане. В то же время целый ряд вопросов организации духовной жизни мусульман в монархии Романовых остается пока недостаточно исследованным или вообще не освещенным. Так, мало изучалась история главного правительственного органа контроля за «иноверцами» — Департамента духовных дел МВД, нет работ, посвященных политике по «мусульманскому вопросу» Азиатской части Главного штаба, структуры военного ведомства, занимавшейся всеми его «восточными» делами. Отсутствуют труды о Тавриче-

* Работа подготовлена по проекту «Российские муфтияты: история, функции и перспективы развития» при содействии и финансовой поддержке Фонда поддержки исламской культуры, науки и образования, которому автор выражает свою искреннюю благодарность.

ском, Закавказском суннитских муфтиятах и Закавказском духовном шиитском правлении. Требуют своего анализа выявленные к нашему времени проекты создания мусульманских управлений и иных форм организации духовной жизни «магометанства» в Крыму, на Кавказе, в Степном крае и Туркестане. Необходимо детальнее осветить роль в их обсуждении и решении главных ведомств империи, занимавшихся «мусульманским вопросом» — МВД, МИДа, Военного министерства, представителей местного управленческого аппарата.

Существует потребность в создании обобщающей работы, посвященной анализу **всей системы** управления духовной жизнью мусульман в Российской империи. В настоящей работе делается попытка закрыть существующую в отечественном исламоведении лауну в отношении Кавказа, в первую очередь — его Северной части. Нами проводится анализ различных проектов регламентирующих положений, как реализованных в том или ином виде на практике, так и оставшихся лишь на бумаге, произведено определение причин того, почему и по каким обстоятельствам многие замыслы по устройству духовной жизни мусульман так и не были реализованы. Рассматриваемая нами тема настолько обширна и многопланова, что ряд важных сюжетов (школьный вопрос, вопрос о паломничестве и др.) затрагиваются в данной работе лишь в самом общем плане, поскольку они требуют создания отдельных специальных исследований.

Проекты управления исламом в Кавказском крае в царствование Николая I

«Мусульманская» политика царизма на Кавказе в николаевское время в основном определялась задачами непрерывных военных действий (войны конца 20-х гг. XIX в. с Ираном и Турцией, многолетняя и изнурительная Кавказская война 1817–1864 гг.). Имперские политики хорошо понимали необходимость учета особенностей местного ислама, в частности наличия здесь представителей издревле враждующих его толков — «Алиевой секты», то есть шиитов, и «Омаровой секты», то есть суннитов. Царские генералы и администраторы старались достаточно прагматично использовать этот фактор в своих целях¹.

Еще в 1829 г. руководивший тогда российской военной и гражданской администрацией Кавказского края Паскевич учредил особый «магометанский комитет», которому было поручено заняться «составлением положения об устройстве мусульманского духовенства в Закавказье» [Колониальная..., 1937, с. 364–365]. Одни за другими стали появляться проекты «Положений», которые, однако, оказывались мало пригодными для дела. Первый вариант «Положения» об управлении мусульманами

1 | В XVIII в. противоречия между шиитами и суннитами умело использовал В.Н. Татищев, в первой половине XIX в. — А.Х. Бенкендорф.

Закавказья был отвергнут еще в середине 30-х гг. XIX в. тогдашним правителем Кавказа генералом Г.В. Розеном², который распорядился готовить документ заново. Подготовленный к 1840 г. новый проект «Положения» о мусульманах Закавказья опять обладал существенными недостатками: он не конкретизировал права «мусульманского духовного сословия», не определял степень его влияния на «общественные дела» и, самое главное, оставлял в «неопределенности» отношения мусульманских духовных лиц с русским начальством. Была предпринята попытка улучшить данный проект за счет использования элементов «Положения» 1831 г. о Таврическом муфтияте, которая, однако, также не получилась. По мнению критически разбиравшего этот вариант «Положения» Ханькова, вряд ли удачным было включение в состав выборщиков руководства мусульман Закавказья царских христианских чиновников (тифлиских военного губернатора, полицмейстера и т.д.).

Данный проект, попав в Петербург на «рассмотрение», породил здесь ряд критических замечаний и целую серию пожеланий со стороны высших чинов империи по поводу «мусульманской» политики на Кавказе. Министр государственных имуществ П.Д. Киселев³, признав попавший к нему проект «неосновательным», в 1840 г. писал по его поводу: «Не оспаривая, что предмет устройства магометанского духовенства по важности своей и по политическому положению края, не может быть разрешен ныне, я полагаю, однако же, что время уже приступить к основательным распоряжениям об устройстве в крае таких учреждений, в которых можно было бы приготавливать молодых мусульман для духовного звания под влиянием наших начал. В противном случае, доколе мы не будем иметь сих заведений и доколе не учредится за Кавказом высшая духовная магометанская власть под зависимостью нашего правительства, по примеру оренбургского и таврического муфтиев, нельзя ожидать хороших последствий от ахундов и мулл, получивших духовное свое образование и посвящение во враждебных нам странах и потому весьма часто действующих неблагоприятно для нас на народ, столь удобно увлекаемый фанатическими внушениями» [Колониальная..., 1937, с. 339]. Данное мнение Киселева, как мы уже видели выше, в конечном счете признал правильным и сам царь Николай I, который в 1848 г. просто вообще запретил въезд в русские владения мусульманам, получившим духовное образование за границей.

Как и П.Д. Киселев, другие петербургские сановники хотели бы возложить бремя содержания мусульманского духовного правления «за Кавказом» на счет самих местных последователей «магометанского закона». Однако тогда, в 1840 г., вопрос о принятии данного «Положения» так решен и не был. В 1842 г. Совет Главного управления Кавка-

2 | Розен Григорий Владимирович — генерал от инфантерии, в 1831–1837 гг. — командир Отдельного Кавказского корпуса и главнокомандующий гражданской частью на Кавказе.

3 | Киселев Павел Дмитриевич — генерал от инфантерии. В 1829–1834 гг. управлял Молдавией и Валахией, находившимися под протекторатом России. В 1837–1856 гг. — министр государственных имуществ. В 1856–1862 гг. — русский посол во Франции.

зом поручил подготовку очередного, нового варианта «Положения» о «закавказских мусульманах» русскому чиновнику Легкобытову. Последний подготовил такой текст документа, который просто свидетельствовал о его некомпетентности в данной проблеме. Так, он, в частности, предлагал оставить деятельность шариатского суда вообще без всякого контроля со стороны русских властей, дабы, сделав судебную деятельность кадиев «произвольной», подорвать тем самым «власть духовенства в народе». Кроме этого, Легкобытов крайне поверхностно представлял различия между суннитским и шиитским толками ислама [Колониальная..., 1937, с. 367].

После назначения в 1845 г. М.С. Воронцова наместником Кавказа он поручил «мусульманское дело» и его устройство «за Кавказом» «состоящему» при нем от МИДа Н.В. Ханькову, который в конце 40-х — начале 50-х гг. XIX в. был чиновником МИДа, приставленным к канцелярии наместника Кавказа М.С. Воронцова. Талантливый ученый Н.В. Ханьков в начале 40-х гг. XIX в. посетил Бухару и создал лучшее в отечественном и мировом востоковедении «Описание» этого тогда практического «закрытого» государства Средней Азии [Арапов, 1981, с. 37–42]. В последующие годы он не снижал своей научной активности и вошел в историю отечественной науки, по словам академика Н.И. Веселовского, как «один из замечательнейших русских ориенталистов» [Халфин, 1977, с. 244].

Занявшись вплотную мусульманской проблематикой в Закавказье, Ханьков в короткий срок подготовил целый ряд важных документов. Прежде всего следует выделить, пожалуй, первое историографическое произведение в европейской науке об исламе в Закавказье. Это датированная летом 1848 г. большая «объяснительная» записка Ханькова, раскрывающая историю русской правительственной политики по «устройству мусульманского духовенства за Кавказом» [Халфин, 1977, с. 364–388]. Определяя задачи действий здесь имперских властей в «мусульманском деле», автор записки подчеркивал то, что подготавливаемый закон должен был быть «ясен» и «строго определен», как для «исполнителя» его, так и для самих мусульман края. Давая в данном документе характеристику состава «мусульманского духовенства» Закавказья, Ханьков настаивал на проведении твердой и вместе с тем достаточно гибкой имперской политики по отношению к этой части населения края, «держа их под контролем со стороны правительства» и, одновременно, стараясь насколько «можно менее» раздражать их [Халфин, 1977, с. 377].

Летом 1849 г. Ханьковым был подготовлен «Проект положения о мусульманском духовенстве Алиева учения», то есть духовных лиц шиитов Закавказья [Халфин, 1977, с. 346–363]⁴. В данном документе автор

4 | По оценке Ханькова, в 1848 г. в Закавказье проживало 215 226 суннитов и 213 261 шиит в том числе 1322 суннитских и 1049 шиитских мулл. Наиболее ранним русским законодательным актом об устройстве духовного быта мусульман-шиитов Закавказья явился указ Александра I от 30 июня 1805 г., в котором были утверждены «Правила» деятельности «магометанского духовенства» Елисаветпольской [Гянджинской. – Д.А.] округи [Арапов, 2001, с. 62–64].

предлагал создать «трехступенчатую» структуру управления шиитами «за Кавказом»: округ > уезд > участок («магал»). Само «шиитское духовенство» Ханыков предлагал разделить на 4 разряда: 1) духовные чины, имеющие право судебной власти и право преподавания «высших наук мусульманского курса учения» (шейх-уль-исламы, муджтахиды, ахунды и мударрисы); 2) духовные чины, занятые «богослужением» и исполнением «обрядов веры» (имамы и муллы); 3) духовные чины, занимающиеся «первоначальным образованием» (муллы — преподаватели мактабов); 4) мечетский «причт» (муэдзины, чтецы Корана, мечетские служки и пр.). Все данные категории мусульманских духовных лиц и служителей исламского культа, по мнению Ханыкова, должны были быть абсолютно лояльны по отношению к монархии Романовых и постоянно «по обрядам Алиева учения возносить Господу Богу моления о здравии и долгоденствии здравствующего императора [то есть Николая I. — Д. А.] и членов Августейшего его дома». Ханыков особо подчеркивал полную самостоятельность «мусульман Алиева учения» Русского Закавказья от духовных и светских кругов Ирана и настаивал на том, чтобы какие-либо «сношения» с иранскими шиитскими кругами были возможны лишь с санкции царских властей. Предоставляя шиитским духовным лицам ряд прав и привилегий (свободу от податей, повинностей, воинского постоя и др.), проект «Положения» 1849 г. в то же время накладывал на них ряд важных обязанностей. Ханыков открыто писал о них: «Все члены шиитского закавказского духовенства как учнейшие из своих единоверцев, должны подавать собою пример точного и усердного исполнения воли правительства, заботившегося о поддержании их религии, внушениями же и наставлениями же должны побуждать своих единоверцев беспрекословно исполнять всякое повеление Государя Императора и приказания поставленных над ними начальников». В проекте 1849 г. предусматривалась многоуровневая система подчиненности и соподчиненности мусульманских духовных лиц. Главным в предлагаемой Ханыковым системе управления «закавказских магометан Алиева учения» являлся «Тифлисский окружной шариат», который был непосредственно подчинен царской администрации края. Ханыков достаточно подробно разработал правила деятельности шиитских шариатских судов, в основном по брачно-семейным и наследственным делам. В целом он считал возможным (во всяком случае, пока) финансировать создаваемое шиитское духовное правление за казенный счет. Можно отметить, что, несмотря на известную зависимость от царской администрации, предлагаемая Ханыковым структура организации духовной жизни шиитов Закавказья обладала достаточно ощутимой степенью внутренней автономии.

Проект Ханыкова был рассмотрен и одобрен советом наместника края, который возглавлял тогда генерал В.О. Бебутов⁵, и отправлен на «согласование» в Петербург.

В первую очередь этот документ оказался на «рассмотрении» в Министерстве внутренних дел. Уже сам факт отсутствия в проекте Ханыкова какого-либо упоминания о Департаменте духовных дел МВД и необходимости «согласования» с ним действий по «закавказскому мусульманству» вызвал в министерских кругах соответствующую негативную реакцию. В июле–августе 1849 г. свое «мнение» по проекту Ханыкова представил сам министр внутренних дел Л.А. Перовский. Министр писал о том, что удобнее было бы принять не одно «Положение» — лишь о шиитах Закавказья, а подготовить и выпустить сразу одновременно два «Положения» — и о шиитах, и о суннитах края. По его словам, сунниты Закавказья, как и шииты, «проникнуты фанатизмом и неприязнью к русским началам», поэтому они, не менее шиитов, должны «обращать на себя внимание правительства». По мнению Перовского, из проекта Ханыкова «неясны» казенные источники финансирования учреждаемого шиитского правления; если же одновременно будет создано и суннитское правление, то казна будет «обременена новыми издержками». Министр не считал необходимым, как это предлагал Ханыков, упоминать в «Положении» о «покровительстве» России «мусульманству», а предлагал ограничиться «изъяснением в общих выражениях» о том, что «свобода отправления мусульманской веры [в империи. — Д. А.] допускается наряду с другими терпимыми исповеданиями». Наконец, Перовский полагал, что в проекте «Положения» Ханыкова «слабо» прописана связь между «мусульманским духовенством» и имперской гражданской администрацией, особенно на уровне губерний и уездов. Кроме этого, министр внутренних дел вообще был противником малейшего расширения функций шариатских судов «за Кавказом». Он был твердо убежден в том, что мусульманским духовным кругам в Закавказье нельзя давать слишком большую «судебную власть», ибо «оно, [мусульманское духовенство. — Д. А.] конечно, воспользуется ею, дабы мало-помалу подчинить совершенно своей зависимости мусульманское население Закавказья, которое уже несколько не будет ограждаться нашими законами от пристрастных и произвольных решений духовных судов своих, и, вместо того, чтобы освоиться постепенно с общими гражданскими установлениями нашими, станет более и более чуждаться их» [Колониальная..., 1937, с. 389–391].

Более позитивно отнесся к проекту «Положения» Ханыкова главноуправляющий II (кодификационным) Отделением Собственной ЕИВ канцелярии Д.Н. Блудов. Он в основном одобрил идею Ханыкова об учреждении «судов мусульманских» и, вместе с тем, их подчинении

5 | Бебутов Василий Осипович — генерал от инфантерии, в 1847–1857 гг. исполнял обязанности начальника гражданского управления на Северном Кавказе и в Закавказье. В данном случае замещал наместника Кавказа М.С. Воронцова.

«строгую контроле главного начальства края» и считал данный замысел «весьма полезным», ибо он согласовывался с «высшею целию правительства и с навыками, религиозными идеями и нравами мусульманского населения». Высказав ряд достаточно одобрительных, частных замечаний, Блудов, однако, как и Перовский, полагал, что по «политическим моментам» целесообразно было бы издать одновременно два «Положения» — о шиитах и суннитах Закавказья [Колониальная..., 1937, с. 391–396]. В конечном счете проект «Положения» Ханькова так и не был тогда реализован, и вопрос о создании системы управления духовной жизнью мусульман Закавказья был решен уже в следующее царствование — во время правления императора Александра II. При этом последующие проекты об управлении закавказскими мусульманами в известной степени отталкивались от ханьковского «Положения».

На Северном Кавказе острота событий Кавказской войны давала возможность в основном принятия лишь оперативных законодательных решений по «мусульманскому делу». Однако именно в разгар Кавказской войны появился наиболее ранний, известный нам проект организации управления духовной жизнью мусульман-суннитов — «покорных» монархии Романовых горцев «северных покатоствей»⁶ Кавказа [Арапов, 2004]. Этот документ относится к 30-м гг. XIX в. и был выявлен нами в Отделе письменных источников ГИМа в коллекции архивных материалов главноуправляющего на Кавказе в 1831–1837 гг. генерала Г.В. Розена. Автором данного проекта являлся значительный кавказский военный деятель, близкий и доверенный соратник А.П. Ермолова, генерал А.А. Вельяминов. Жесткий и умелый администратор, Вельяминов в 1831–1837 гг. командовал войсками на Кавказской линии и был начальником Кавказской области (с центром в г. Ставрополе). По мнению историка и публициста Я.А. Гордина, с именем Вельяминова связано создание тех планов ведения боевых действий, реализация которых в конечном счете позволила в конце 50-х — начале 60-х гг. XIX в. успешно для России завершить Кавказскую войну [Гордин, 2000, с. 175–176, 186–187].

В своем проекте устройства суннитского муфтията на Северном Кавказе Вельяминов предложил создать жесткую «трехуровневую», назначаемую и подчиненную «сверху вниз» структуру мусульманских духовных лиц (муфтий > старший мулла («эфенди») > мулла). Муфтий и чины его аппарата должны были располагаться в Ставрополе и получать казенное жалование, низшие духовные лица — состоять на содержании местного мусульманского населения. Подчеркивая «полную свободу магометанского закона» на Северном Кавказе, Вельяминов вместе с тем настаивал на том, что все служители «магометанского вероучения» должны были помнить о своей полной «лояльности» и

6 | Покатость — склон (устар.)

«верности» империи. По его словам, в случае возможного «преступления» мусульманского духовного лица «против власти», оно тут же могло быть предано «суду военному на основании общих постановлений государства» [ОПИ ГИМ. Ф. 6, оп. 1, д. 62, л. 1057–1062; Арапов, 2003]. Данный вельяминовский проект не был реализован, но содержание его достаточно ярко отражает остроту «мусульманского фактора» для монархии Романовых на Северном Кавказе в первой половине XIX в.

В то же время необходимо возразить против попыток представить позицию России на Кавказе, как противостояние единому фронту всего местного «мусульманства»⁷. Можно отметить, что шииты Закавказья не поддерживали антирусские выступления «еретиков» — суннитов Чечни и Дагестана. На стороне России постоянно сражались различные подразделения, сформированные из мусульман-суннитов Северного Кавказа, среди которых особенно отличился Дагестанский конно-иррегулярный полк [Жозубский, 1909].

От муфтиятов к политике «игнорирования ислама» на Северном Кавказе

После завершения в 1864 г. Кавказской войны царская администрация края сочла возможным снова заняться организацией устройства управления духовными делами местного «мусульманства». Инициатором реализации этой идеи являлся четвертый сын императора Николая I — великий князь Михаил Николаевич, занимавший в 1862–1881 гг. посты наместника Кавказа и главнокомандующего Кавказской армией. По отзыву П.А. Зайончковского, человек весьма средних способностей, Михаил Николаевич в то же время отличался добродушием и столь полезной на Кавказе щедростью и в целом сумел вписаться в местную обстановку. Его отношение к исламу и мусульманам было в целом более толерантным, чем у Барятинского. Он глубоко не вникал в служебные дела, и их вело за него его окружение, хотя все важнейшие бумаги в Петербург все же шли за его подписью [Государственные..., 1995, с. 117; Зайончковский, 1970, с. 49–51].

При решении вопроса о реформировании системы организации духовной жизни мусульман Кавказа царская администрация собиралась производить данные преобразования лишь в более «спокойном», с их точки зрения, Закавказье. На Северном Кавказе же предполагалось никаких подобных реформ не совершать, а, наоборот, всячески подымать значение обычного права («адата»), ослаблять влияние шариата и, более того, попробовать реанимировать некогда имевшее вес, особенно в горах Северо-Западного Кавказа, христианство. С этой целью еще в 1860 г. по инициативе Барятинского было создано «Общество»

7 | См. например: Bennigsen Broxup, 1992.

восстановления христианства на Кавказе, но в конечном счете вся эта затея особого толка не имела.

В январе 1869 г. Михаил Николаевич представил в Петербург в Кавказский комитет⁸ развернутое «отношение» и составленный по его распоряжению проект «Положения» о Духовных правлениях шиитов и суннитов Закавказья. Излагая историю данного вопроса, наместник Кавказа подчеркивал, что ранее в ходе «военных действий» имперская администрация вынуждена была идти на уступки «мусульманскому духовенству», в частности предоставляя ему судебные права в «гражданских делах», основанные на Коране. По словам Михаила Николаевича, начиная с Ермолова, все последующие русские правители Кавказа готовили различные проекты устройства «мусульманского духовенства», но дело в конечном счете ограничивалось принятием «местных временных инструкций». По мнению великого князя, подготовленный при Воронцове в конце 40-х гг. XIX в., разобранный нами выше проект Ханькова, теперь также был «негоден», ибо он шел на «слишком большие уступки» мусульманским духовным кругам. Сейчас же, по словам Михаила Николаевича, наступило иное время: «Ныне правительство может свободнее преследовать свои цели, даруя устройству духовенства только то, что потребно для установления гласного порядка вместо негласной неурядицы». Наместник Кавказа подчеркивал, что в состав готовившей проекты комиссии входили как русские чиновники, так и мусульманские духовные лица края. По его словам, комиссия считала возможным распространить действие «Положения» только на те части Закавказья, которые находились в «гражданском управлении» (Бакинская, Елисаветпольская, Тифлисская и Эриванская губернии). Главным при этом, полагал Михаил Николаевич, являлась задача ввести «порядок» и «правильный строй» в «мусульманское духовенство», поставив его «в зависимость и под гласный надзор правительственной власти», а для «частностей» предоставить «простор кавказской местной власти, уполномочив ее издавать инструкции» [РГИА, Ф. 821, оп. 8, д. 610, л. 4–6]⁹.

Возбужденный Тифлисом вопрос о «Положении» для Закавказских духовных правлений вызвал неоднозначную реакцию, и в Петербурге, и на местах. Так, МВД было недовольно данной кавказской инициативой и заявило в мае 1871 г., что поскольку при нем [т.е. МВД. — Д. А.] создается «Особая комиссия по делам магометанского духовенства», то оно просило бы Михаила Николаевича «передать дело об устройстве закавказского духовенства на предварительное рассмотрение в эту комиссию» [РГИА. Ф. 821, оп. 8, д. 610, л. 129–130]. Наместник Кавказа, лично подчиненный по своей должности царю, отверг подобное вмешательс-

8 | Кавказский комитет — особый правительственный орган для управления «кавказскими делами», существовавший в Петербурге. Более подробно см.: Лисицына, 2001.

9 | Данное «представление» реально готовилось не самим Михаилом Николаевичем, а чиновниками его тифлисской канцелярии.

тво МВД и в своем письме министру внутренних дел А.Е. Тимашеву в июне 1871 г. писал: «Откладывать решение вопроса о быте мусульманского духовенства на неопределенное время вредно, кроме того, условия в Закавказье и в отдельных частях империи, не соприкасающихся с основными центрами исламизма [т.е. Турцией и Ираном. — Д. А.] различны» [Там же, л. 133–134].

Заметный интерес представляют замечания на проекты Закавказского «Положения» глав «внутренних» губерний империи с обширным мусульманским населением. Так, уфимский губернатор Ушаков уже после принятия этого «Положения» писал в июле 1872 г. о том, что данный «кавказский проект» лишь «упрочивает» состояние «мусульманского духовенства», но рассматривал его как своего рода «плату» за достижение целей, чтобы «не оставить кавказских мусульман под влиянием иноземного духовенства и разного рода агитаторов» [Там же, л. 229–232].

Особое внимание «Положение» об управлении мусульманами Закавказья вызывало на самом Кавказе. Еще в декабре 1868 г. к его анализу обратился начальник Дагестанской области в 1860–1880 гг. генерал Л.И. Меликов. Он произвел весьма критический разбор представленного проекта, считая необходимым максимально «ослабить гнет духовенства, под которым находятся мусульмане» и усилить роль «русского законодательства» в жизни «закавказского магометанства». По его мнению, власть руководителей Духовных правлений должна была быть также заметно «ослаблена», они должны были быть лишены права самостоятельно, без вмешательства царской администрации, назначать, увольнять и перемещать «мечетских мулл», а также принимать к своему рассмотрению какие-либо дела. В целом же Меликов скептически отнесся к стремлению Михаила Николаевича «скорее» ввести предлагаемое «Положение» в действие, считая более «правильным» не спешить и более тщательно пересмотреть его с целью «наибольшего ограничения прав и привилегий мусульманских духовных лиц» и организации системы более жесткого правительственного контроля над ними [ЦГА РД. Ф. 126, оп. 2. д. 14, л. 1–22].

Доброжелательнее о проекте данного «Положения» отзывались в Совете Главного Управления самого наместника Кавказа, во время очередного «шлифовочного» рассмотрения этого документа в ноябре 1869 г. Все участники данного обсуждения дружно констатировали: 1) что это «Положение» необходимо, ибо «магометанское духовенство существует и будет существовать... оно одно толкует Коран, единственный и отчасти гражданский закон мусульман, и что поэтому правительство обязано или устроить это духовенство, или его уничтожить, приняв на себя и толкование Корана, и исполнение духовных треб мусульман»; 2) что устройство «духовенства» должно быть исполнено так, чтобы избежать «излишнего увеличения количества лиц, принадлежащих к духовному званию, усиления влияния духовенства на население и сплочен-

ния его... в одну корпорацию»; 3) что применение к Закавказью «Положений», изданных для Оренбургского и Таврического муфтиятов, возможно «только отчасти», так как там мусульманское население сравнительно невелико, отрезано от общения с большими мусульманскими центрами [т.е. Турцией и Ираном. — Д. А.] и принадлежит лишь к одному [суннитскому. — Д. А.] из двух толков «исламизма»; 4) что данное «Положение» должно иметь силу только для тех частей Закавказья, которые находятся в «гражданском управлении»; для Северного Кавказа и Дагестана нужно будет впоследствии издать особое «Положение»; 5) что необходимо организовать в мусульманских школах «противодействие враждебным правительству понятиям и убеждениям», но делать это надо крайне «деликатно» и «осторожно» и также стараться поощрять преподавание в этих учебных заведениях для мусульман русского языка и предметов европейской «элементарной и среднеобразовательной науки» [ЦГА РД. Ф. 126, оп. 2, д. 14]¹⁰.

В начале 1872 г. было принято решение вынести «Положение» об управлении духовной жизнью шиитов и суннитов Закавказья на обсуждение Соединенных Департаментов Законов и Экономии Государственного совета. В ходе произошедшего здесь рассмотрения данного документа было констатировано, что за мусульманскими духовными кругами придется все же оставить, несмотря на предшествующие пожелания наместника Кавказа, важные юридические функции: только мусульманские судьи сохраняли право решать по шариату семейные и наследственные дела. В свою очередь, путем устройства «государственного присмотра» за мусульманскими духовными лицами в Закавказье имперские власти хотели добиться следующих политических целей: 1) обеспечить за правительством средство надзора и контроля над действиями лиц, которые в силу их религиозных убеждений могли «разжигать» в мусульманской среде «враждебный дух неповиновения»; 2) противодействовать укреплению в среде «мусульманского духовенства» излишней «корпоративности»; 3) воспрепятствовать вторжению в русские пределы из Ирана и Турции «чужеземных духовных лиц, особенно против нас [т.е. России — Д. А.] настроенных»; 4) ограничить по возможности круг действий мусульманских духовных лиц в среде местного «магометанства», не посягая, однако, при этом на его, населения, «религиозные убеждения»; 5) поставить влиятельную часть «мусульманского духовенства» в «непосредственную» зависимость от правительства, связать его материальные интересы со служением правительству; 6) создать, насколько возможно, надзор над мусульманскими духовными учреждениями; 7) принять меры для «усиления» правительственного контроля над разными видами духовного имущества [в первую очередь вакфами. — Д. А.], доходы от которых могли

направляться для поддержания «зарубежных мусульманских кругов» [Арапов, 2002, с. 284–285].

В конечном счете Государственный совет, как высшее законодательное учреждение империи, одобрил проект «Положения» о мусульманах Закавказья, но оговорил ряд условий: 1) «Положение» должно было действовать только «за Кавказом», не затрагивая мусульман Северного Кавказа; 2) дабы не придавать оному документу «особой важности», издать «Положение» не при особом царском указе Правительствующему сенату, а как «Высочайше» одобренное мнение Государственного совета [Отчет, 1874, с. 147–153].

5 апреля 1872 г. именно таким законодательным путем император Александр II утвердил «Положение» о создании двух правлений — Закавказского мусульманского духовенства шиитского и суннитского учений [Полное..., 1875]. Тогда же на содержание их штатов из русской казны было положено ежегодно отпускать сумму в 37 880 рублей.

По «Положению» 1872 г. внушавшие недоверие имперской власти мусульманские духовные лица Закавказья были лишены каких-либо прав и привилегий и приравнены к «простым обывателям». По настоянию наместника Кавказа, этот остракизм был в первую очередь распространен на членов местных суфийских братств. Так, в «Положении» 1872 г. было специально подчеркнуто решение «не присвоить право на принадлежность к мечетскому (приходскому) духовенству и на пользование правами оному предоставленными... шейхам, софи, дервишам и загидам» [Арапов, 2001, с. 165]¹¹.

Закавказское «Положение» 1872 г. создало в целом достаточно стройную «трехуровневую» систему управления духовными делами мусульман-шиитов и суннитов в крае. Первой, низшей инстанцией на местах являлись штатные муллы и кадии. Муллы («мечетское духовенство») исполняли религиозные обязанности, заведовали мечетями и мечетскими школами (мектебами), вели метрические книги, списки мусульман, доставляли кадиям сведения о мечетях, школах, новорожденных, браках и т.д. Кадии наблюдали за «мечетским духовенством», разбирали семейные (в частности, бракоразводные) и наследственные дела. Муллы и кадии получали денежное содержание от «приходов»; кроме этого, мулле полагалась отдельная плата за возможное чтение молитв при обрезании («сюннет»), браке («никах») и обязательное моление во время заупокойного обряда («джаназа»). Русские власти старались фиксировать размеры обязательных обрядовых сборов с мусульман. В начале XIX в. эта сумма не должна была превышать 20 коп., в конце XIX в. в сельской местности плата мулле за участие в заупокойном обряде колебалась от 20 коп. до 2 руб., за участие в свадьбе мулла мог получать от 15 до 20 коп., кадий за составление брачного договора

11 | Вне «русского закона» теперь также оказались «причислявшиеся» до 1872 г. к «мусульманскому духовенству», проживавшие «за Кавказом» потомки пророка Мухаммада — сайииды [Колониальная..., 1936, с. 126].

с девицей получал 2 руб., с вдовой — 1 руб. В городах размеры оплаты труда мусульманских духовных лиц, видимо, могли быть более высокими [Арапов, 2001, с. 318].

Средней инстанцией мусульманского духовного управления по «Положению» 1872 г. являлись коллегиальные органы — губернские меджлисы (собрания), которые состояли из 3 членов и действовали, как отмечалось выше, в Бакинской, Елисаветпольской, Тифлисской и Эриванской губерниях. В их ведении находились: 1) дела, относящиеся до «богослужения»; 2) дела о проступках «мусульманского духовенства», относящихся «до веры»; 3) жалобы на решения кадиев; 4) дела о духовных проступках мусульман; 5) рассмотрение дел, предлагаемых губернским меджлисам местным русским губернатором; 6) дела по заведованию мектебами и медресе; 7) дела по управлению мечетским имуществом (в том числе вакфами); 8) производство испытаний на духовное звание и т.д.

Высшими инстанциями для шиитов и суннитов Закавказья являлись их Духовные правления, расположенные в Тифлисе. Главой шиитов был шейх-уль-ислам, главой суннитов — муфтий. Каждый из них получал в год от казны жалованье в 1600 руб., что примерно соответствовало окладу полковника русской армейской пехоты в то время (1872 г.). Муфтий и шейх-уль-ислам назначались по представлению начальника края специальным «Высочайшим» повелением (в период существования наместничества на Кавказе, т.е. до 1881 г., это представление прямо попадало к царю, с 1881 г. посредником стало выступать МВД). В ведении Духовных правлений находились: 1) рассмотрение жалоб на постановления губернских меджлисов; 2) наблюдение за доставлением кадиями сведений о мечетях, школах и т.п.; 3) составление годовых отчетов, проектов программ для мусульманских школ; 4) производство испытаний духовным лицам; 5) рассмотрение всех дел, передаваемых высшей русской администрацией на обсуждение Духовных правлений.

К каждому Духовному правлению по штату были определены светские служащие: секретарь, по два его помощника, по делопроизводителю в каждый губернский меджлис (все данные лица состояли в классных чинах по линии МВД) и «внеклассные» писцы и хозяйственные служки [Арапов, 2001, с. 166–169].

Деятельность Духовных правлений шиитов и суннитов Закавказья, назначения и утверждения мусульманских духовных лиц были подконтрольны наместнику Кавказа, на местах — губернаторам упомянутых закавказских губерний. Наместник Кавказа нес ответственность за деятельность мусульманских правлений непосредственно перед царем. В рамках «координации» имперской политики по отношению к исламу канцелярия наместника Кавказа поддерживала в Петербурге связь с ДДДИИ МВД, который ведал всеми неправославными религиями империи. Однако формально Закав-

казские правления шиитов и суннитов все же никогда прямо ДДДИИ не подчинялись.

Состоявшие «в штате» представители закавказского «мусульманского духовенства» пользовались рядом значительных льгот: они и их дети освобождались от казенных повинностей, дети высших мусульманских духовных лиц, прослуживших 20 лет, пользовались правами детей личных дворян и личных почетных граждан. Муллам и кадиям в случае казенных командировок оплачивались проезд, суточные, а также почтовые расходы. Мусульманские духовные лица имели право на казенную пенсию, они награждались русскими орденами и медалями.

Поздние имперские проекты организации управления мусульманами Кавказа

К началу 80-х гг. XIX в. стала стабильно функционировать система учрежденных в 1872 г. Закавказских Духовных правлений шиитов и суннитов, просуществовавшая (с незначительными изменениями) до 1917 г. По мнению ее критиков, таким образом, «за Кавказом возникла противоположная интересам царской администрации» корпорация «мусульманского духовенства», которая обеспечивала «устойчивость религиозных форм мусульманского мира» [Рыбаков, 1917, с. 275–276]. По-иному ситуация складывалась на Северном Кавказе, где вопрос о создании централизованных форм управления духовной жизнью местного «магометанства» оставался нерешенным. Вскоре после воцарения Александра III наместничество на Кавказе было упразднено. В 1882–1890 гг. главноначальствующим на Кавказе и командующим войсками Кавказского военного округа был генерал А.М. Дондуков-Корсаков. В 1889 г. он представил в Петербург свой проект «Положения об учреждении правления духовными делами мусульман-суннитов в Кубанской и Терской областях» [РГВИА. Ф. 400, оп. 1, д. 4870, л. 1–10об.]. Документ не затрагивал мусульман Ставропольской губернии, что же касается Дагестана и Черноморской губернии, последние административно не считались частями Северного Кавказа.

По мнению Дондукова-Корсакова, предлагаемое им «Положение» должно было способствовать «ослаблению влияния мусульманства» на Северном Кавказе и «противодействовать умножению мусульманского духовенства, которое было необходимо взять как можно тверже в руки администрации» [Арапов, 2004, с. 27]. Проект 1889 г. был составлен во многом «применительно» к Закавказскому «Положению» 1872 г., но имел и некоторые свои особенности. Право определять число «приходов», мечетей при них и мулл предоставлялось начальникам Терской и Кубанской областей. Все «мусульманское духовенство» на Кубани и Тереке разделялось на два «уровня» — высший, подбираемый и назначаемый имперской администрацией, и низ-

ший, утверждаемый также последней и подчиненный надзору и контролю вышестоящих мусульманских духовных лиц. Состав Духовного правления мусульман Северного Кавказа, по проекту 1889 г., должен был состоять из председателя — муфтия, двух членов — мусульман, с русским православным секретарем. Надзор за аульными муллами и разрешение бракоразводных дел Дондуков-Корсаков предполагал возложить на судей-кадиев. Права и обязанности Духовного правления сводились, таким образом, к заведованию бракоразводными делами, надзором за мечетскими школами, но главное — необходимости быть в постоянной готовности выполнить любые задания и поручения царской администрации Кавказа.

В проекте 1889 г. предполагалось учредить ежегодный специальный сбор с местных мусульман (в размере 8700 руб.) на содержание аппарата нового муфтията. Естественно, что предназначенные здесь к «духовному служению» мусульмане должны были быть абсолютно лояльны по отношению к существующему государственному строю. Интересно, что, если при принятии «Положения» 1872 г. было специально оговорено исключение последователей суфизма в Закавказье из-под защиты царского закона, то проект 1889 г. вообще обошел право на существование суфийских братств на Северном Кавказе полным умолчанием.

В целом проектируемое Дондуковым-Корсаковым «Положение» 1889 г., несомненно, носило яркий отпечаток личности этого амбициозного и честолюбивого администратора. Так, показательно, что в данном документе окончательное решение всех вопросов замыкалось исключительно на самом правителе Кавказа, вмешательство же петербургских инстанций практически почти не предусматривалось.

Когда в столице империи, в стенах ДДДИИ МВД стали анализировать присланный из Тифлиса проект Дондукова-Корсакова, то вышеуказанное обстоятельство, видимо, вызвало у петербургских чиновников особое раздражение. МВД в целом отрицательно отнеслось к данному «Положению», полагая, что его принятие может лишь способствовать укреплению на Северном Кавказе «вредной» имперским интересам «правильно устроенной иерархии мусульманских духовных лиц» и только усилит крайне опасную для монархии их «корпоративность». Преемник Дондукова-Корсакова в должности, правитель Кавказа в 1890–1896 гг. генерал С.А. Шереметев также представил в Петербург на «утверждение» свой проект инструкции о порядке управления мусульманскими духовными лицами в Кубанской и Терской областях. К сожалению, в предшествующей литературе содержатся самые общие сведения о данном предложении Шереметева, и подлинный его текст нам пока неизвестен. По высказанному тогда же мнению Шереметева, он считал целесообразным учредить специальную должность чиновника по «особым поручениям», который занимался бы только «мусуль-

манским делом» и состоял бы при главном начальнике Кавказского края в Тифлисе [Арапов, 2004, с. 28–29].

Проекты Дондукова-Корсакова и Шереметева в 1891–1893 гг. неоднократно обсуждались в различных столичных ведомствах, в ноябре 1894 г. они были вынесены на рассмотрение Соединенных Департаментов Государственного совета. Здесь, однако, какого-либо окончательного решения по ним так и не последовало, и было рекомендовано снова отправить эти предложения «вниз» для их «дальнейшей доработки». Насколько известно, этот труд в период 1895–1904 гг. продолжал неспеша вестись в петербургских и кавказских канцеляриях, причем в основу предполагаемого для мусульман Северного Кавказа «Положения» был принят главный «прежний принцип кавказского начальства: ограничение числа мусульманского духовенства и полное его подчинение местной администрации» [Рыбаков, 1917, с. 285–287].

Спорные вопросы религиозной жизни мусульман, решения кадиев или горских словесных судов передавались начальниками Кубанской и Терской областей на заключение или Оренбургского муфтията, или Закавказского Духовного правления суннитского учения. По получении от этих высших мусульманских духовных институтов необходимого правового заключения («фетвы») начальники областей, в свою очередь, принимали положительное или отрицательное решение по данному вопросу. Можно предположить, что духовная жизнь мусульман Ставрополя была теснее, чем где-либо на Северном Кавказе, связана с Оренбургским муфтиятом. Последнее обстоятельство вызывало серьезную обеспокоенность имперских администраторов, опасавшихся негативного с точки зрения интересов монархии Романовых воздействия на «северокавказское магометанство» со стороны бурно развивавшегося «заволжского татарского мира» [Арапов, 2002, с. 286–289].

Проекты перестройки региональных муфтиятов в царствование Николая II

В 1906–1914 гг. вопрос об «упорядочении» местной системы организации духовной жизни мусульман-суннитов снова несколько раз поднимался на Северном Кавказе, причем как представителями царской бюрократии, так и мусульманскими и русскими общественными деятелями, преимущественно либерального направления.

Можно выделить несколько подобного рода попыток:

1) В 1905–1906 гг., как отмечалось выше, крупный сановник империи В.П. Череванский предложил подчинить мусульман-суннитов Северного Кавказа Закавказскому суннитскому муфтияту, никакого же отдельного Северокавказского муфтията вообще не создавать.

2) В июле 1906 г. совещание представителей мусульман Кубанской и Терской областей выработало «Положение» об учреждении во

Владикавказе самостоятельного Духовного правления для мусульман Северного Кавказа во главе с выборным муфтием.

3) В 1909 г. начальник Терской области генерал А.С. Михеев в своем ежегодном «всеподданнейшем докладе» выступил с предложением об устройстве на севере Кавказа «самостоятельного духовного правления» для местного «мусульманства» [РГИА. Ф. 821, оп. 133, д. 639, л. 1–2об.; Арапов, 2004а].

4) В декабре 1913 г. 39 депутатов IV Государственной думы внесли «законодательные предположения» об учреждении особого Духовного управления (муфтията) для мусульман Северного Кавказа по образцу и подобию Закавказского суннитского правления [Мир ислама, 1913, с. 915–919].

Все данные предположения поступали в высшие правительственные инстанции монархии, но принятие по ним какого-либо четкого решения постоянно откладывалось. Официально это, как правило, в те годы объяснялось желанием «увязать» разрешение этой проблемы с подготовкой «общего вопроса об упорядочении высшего управления делами мусульман в тех местностях империи, где такового управления не имеется» [Рыбаков, 1917, с. 312–313]. Реально же правящие верхи, в том числе премьер-министры империи П.А. Столыпин и В.Н. Коковцев, чем дальше, тем больше, опасались возможной «антиправительственной» консолидации северокавказских мусульман в случае создания здесь суннитского муфтията. Решающее значение в данном деле играло также и то, что сам царь Николай II являлся противником подобного нововведения. Так, при чтении текста вышеупомянутого доклада генерала Михеева последний русский самодержец на полях листа у места, где шла речь о создании муфтията на Северном Кавказе, написал: «С этим я не согласен» [Арапов, 2004, с. 32–33].

* * *

Подведем основные итоги. Особенно большое количество указов по «магометанству» было принято при Николае I. Острота военно-политической обстановки на Кавказе в конечном счете так и не позволила реализовать на практике разрабатываемые различные проекты устройства духовной жизни местных мусульман. Общим правовым итогом николаевской политики по исламу стала подготовка «Устава духовных дел иностранных исповеданий» (одна из частей которого была посвящена мусульманам), принятого уже в царствование сына Николая I — императора Александра II в 1857 г.

60–70-е гг. XIX в. были временем достаточно противоречивых явлений в «исламской» политике царизма. Постепенное становление «мусульманского вопроса», разница ситуации в различных районах империи, проблемы ее внешней политики привели к тому, что курс

решений по поводу системы государственного регулирования ислама носил весьма неоднозначный характер. Царские администраторы активно спорили по поводу необходимости вообще сохранения в дальнейшем Оренбургского и Таврического муфтиятов, и, одновременно, в 1872 г. были образованы Духовные правления шиитов и суннитов Закавказья. Допустив отъезд за границу более миллиона мусульман (и тем самым как бы облегчив свое положение), власти империи тут же присоединили не дававший тогда экономической прибыли Туркестан с его многомиллионным мусульманским населением [Арапов, 2001]. Конечно, «мусульманский фактор» не был самым сложным и первостепенным явлением в русской жизни того времени. На рубеже 70–80 гг. XIX в. царизм был больше всего занят обороной от наступающих на основы системы монархии революционеров — народовольцев. События 1 марта 1881 г. и известный последовавший спад революционной активности не избавил, однако, власти от необходимости выстраивать отношения с российским «мусульманством» и решать его проблемы, что пришлось продолжать делать уже преемникам Александра II — последним Романовым на русском троне.

К началу XX в. в Российской империи сложилась достаточно устойчивая, хотя и асимметричная система организации духовной жизни мусульман. В «старых» районах империи действовали Оренбургский и Таврический муфтияты, в Закавказье — Духовные правления суннитов и шиитов. В других районах (Степной край) существовала лишь «низовая» система регулирования духовного быта местного «мусульманства». Северный Кавказ, ряд районов Закавказья, Туркестан были вообще лишены каких-либо правил организации мусульманской духовной жизни, и здесь конфессиональная политика по отношению к приверженцам ислама находилась полностью во власти местной администрации. Представляется, что такая ситуация была не случайной и во многом являлась удобной для представителей царской бюрократии. Так, вышедшее в 1896 г. второе, официальное издание «Устава духовных дел иностранных исповеданий», где находилась и «Книга о мусульманах», все же накладывало на администрацию определенные обязательства, напомидало о необходимости считаться с хотя бы существующими законами [Свод..., 1896, с. 246–294, 324–329]¹².

Главной задачей империи, особенно со второй половины XIX в., была интеграция всех подданных монархии без различия языка и веры в «единое государственное целое». Ислам и силы, связанные с ним, стремились, насколько возможно, сохранить свою самобытность и существование и тем самым являлись помехой данной правительственной цели. Вместе с тем, признавая наличие здесь достаточно острого

12 | В данное издание, наряду с ранее публиковавшимися «Положениями» об Оренбургском и Таврическом муфтиятах, было включено принятое в 1872 г. «Положение» о Закавказских Духовных правлениях суннитов и шиитов.

конфликта, необходимо подчеркнуть, что ислам был верой в Бога, Российская империя была государством, основанном на вере в Бога и, за исключением наиболее фанатично настроенных представителей «официального православия», основная часть светских служащих аппарата империи и в начале XX в. понимала, что, несмотря на те или иные их субъективные желания, многомиллионная масса мусульман не изменит своей вере, и с этим обстоятельством надо считаться. Конечно, многое в религиозной политике царизма не нравилось представителям «мусульманского духовенства» и мусульманской общественности. Те из них, кто пережил события 1917–1920 гг., смог на практике сравнить положение ислама в царской России и качественно иные условия его существования в новой исторической эпохе. В то же время именно тогда в годы Великой отечественной войны в 1944 г. был наконец образован суннитский муфтият мусульман Северного Кавказа, просуществовавший до 1989 г. [Арапов 2011, с. 23–25].

Список источников и литературы

- Bennigsen Broxup, 1992 — North Caucasian Barrier. The Russian Advance towards the Muslim World / Ed. by M. Bennigsen Broxup. London, 1992.
- Арапов, 1981 — *Арапов Д.Ю.* Бухарское ханство в русской востоковедческой историографии. М., 1981.
- Арапов, 2001 — Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / Сост. Д.Ю.Арапов. М., 2001.
- Арапов, 2002 — *Арапов Д.Ю.* Управление духовными делами мусульман Кавказа в Российской империи // Актуальные проблемы гуманитарных, социальных и экономических наук. М., 2002. Вып. 1.
- Арапов, 2003 — «Предоставляется совершенная свобода следовать магометанской или какой-либо вере». Генерал А.А. Вельяминов об управлении духовной жизнью горцев Кавказа (Публ. Д.Ю. Арапова) // Источник. 2003. № 5. С. 17–18.
- Арапов, 2004 — *Арапов Д.Ю.* Имперская политика в области государственного регулирования ислама на Северном Кавказе в XIX — начале XX вв. // Ислам и право. М., 2004. Вып. 1. С. 23–24.
- Арапов, 2004а — Религиозная обстановка в Терской области в 1909 г. (Публ. Д.Ю. Арапова) // Кавказский сборник. М., 2004. т. 1 (33), С. 165–168.
- Арапов, 2011 — Ислам и советское государство (1944–1990): Сборник документов / Сост. Д.Ю. Арапов. Вып. 3. М., 2011.
- Гордин, 2000 — *Гордин Я.А.* Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. СПб., 2000.
- Государственные..., 1995 — Государственные деятели России XIX — начала XX в. Биографический справочник. М., 1995.
- Зайончковский, 1970 — *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия, М., 1970.
- Козубский, 1909 — *Козубский Е.И.* История Дагестанского конного полка. Петровск, 1909.
- Колониальная..., 1936 — Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20–60-х гг. XIX в. М.-Л., 1936. Ч. I.
- Колониальная..., 1937 — Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20–60-х гг. XIX в. М.-Л., 1937. Ч. II.
- Лисицына, 2001 — *Лисицына Г.Г.* Кавказский комитет — высшее государственное учреждение для управления Кавказом (1845–1882) // Россия и Кавказ — сквозь два столетия. СПб., 2001.
- Мир ислама, 1913 — Мир ислама. 1913. Т. II.
- Отчет, 1874 — Отчет по Государственному совету за 1872 год. СПб., 1874.
- Полное..., 1875 — Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1872. СПб., 1875. Т. 47. Отделение 1-е, № 50680.
- Рыбаков, 1917 — *Рыбаков С.Г.* Устройство и нужды управления духовными делами мусульман России. Пг., 1917 // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / Сост. Д.Ю. Арапов. М., 2001. С. 267–315.
- Свод..., 1896 — Свод законов Российской империи. Изд. 1896 г. СПб., 1896. Т. XI. Ч. 1.
- Халфин, 1977 — *Халфин Н.А. Рассадина Е.Ф. Н.В. Ханьков* — востоковед и дипломат. М., 1977.